

Текущее время: заметки о семантической типологии языкового образа

Хотя вопросам этнолингвистических представлений о времени уделялось пристальное научное внимание (работы Т. И. Вендиной, С. М. Толстой, Е. С. Яковлевой и мн. др.), они принадлежат к неисчерпаемой теме, поскольку время — одна из фундаментальных категорий человеческого бытия.

Главной особенностью этой категории является то, что человеку время не дано в его прямом физическом проявлении. Этим оно отличается от другой фундаментальной категории бытия — пространства, которое в обыденной картине мира предстает ареной видимых вещей и связанных с ними проявлений: звуковых, тактильных, обонятельных¹. Эта арена представляется как нечто постоянное, неизменное. Изменчивость же присуща явлениям: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки», — сказано в Книге Екклесиаста. Эта изменчивость в соединении с постоянством обозримой среды образуют главную категорию человеческого бытия — мир, землю.

Соответственно, время воспринимается как некий промежуток между одним состоянием явления и последующим, измененным его состоянием. Природа подсказывает представления о цикличности времени. Повторяемость круга явлений порождает потребность в индикаторах времени (гномон, клепсидра, песочные часы, циферблат, календарь и под.). Изменение индикации интерпретируется как движение времени. Отрезки индикации в том или ином виде оязыковываются: *время* ('то, что обращается, возвращается к исходной точке' у А. А. Потебни), *час, сутки, неделя, месяц, год* и др. По сути, подобные названия временных отрезков называют контейнеры для событий неизбежных, предполагаемых, ожидаемых, непредвиденных.

---

¹ В таких особых случаях, как фольклор, мифология, религия, пространство и его атрибутика имеют особый характер, что выходит за рамки нашего рассмотрения.

Представления о циклическом времени сопровождаются представлениями о его линейном телеологическом характере. Как известно, еще Аристотель утверждал, что, подобно тому как деятельность человека имеет цель, предметы природы развиваются в силу «стремления» к потенциальной цели, абсолюту-энтелехии как завершению развития. Эти представления проявляются в историзме, в эсхатологических представлениях о скончании времен и т. п.

И в циклических, и в телеологических представлениях о времени оно *движется*. Одной из констант этого движения является плавность, континуальность. Уже сами метафоры *время идет, течет, бежит, летит, тянется* и др., где компонентный анализ позволяет выявить семы 'равномерно' и 'непрерывно', представляют время как континуум.

Не детализируя матрицу языковых представлений времени, заметим лишь, что, например, с точки зрения общественной значимости временных периодов и позиции внешнего или внутреннего наблюдения времени по характеру оно может означаться как *время бурное, суровое, жестокое, кровавое, беспощадное, смутное, время застоя, деградации* (то же в отношении слов *годы, эпоха, времена*). Кажется, менее разнообразны здесь определения с позитивной оценкой или оценкой нормы (этнолингвистика и аксиология показывают, что это обычное явление для подобных шкал): *золотой век, спокойные, благодатные времена, эпоха процветания*. В плане субъективного переживания времени оно может *ползти, тянуться (медленно, мучительно), лететь (стремительно, неумолимо, безудержно), остановиться*. В сущности, в обоих случаях проявляется метонимическая компрессия, когда характеристика событий или состояний субъекта переносится на характеристику периода².

Оставляя в стороне прочие возможные параметры такой матрицы, обратим внимание на одно типологическое место в характеристиках движения года некоторыми языками Европы. Здесь наблюдается общая семантическая модель, связанная с идеей течения: рус. *текущий*

² Кстати, в этом смысле можно бы уточнить термин *хрононим*: это не название отрезка исторического времени или даты, но название того события, которое в этом отрезке или в этой дате выделяется. Если бы не перегруженность ономастической терминологии детализациями, то можно было бы даже предложить альтернативный термин – *патематоним* (πάθημα, atos 'событие, происшествие' в одном из значений + ὄνομα). Слова ἔρουον 'событие, происшествие, факт' или πράγμα 'событие, происшествие' уже зарезервированы в своих иных значениях терминами *эргоним* и *прагматоним*.

год (месяц, период, квартал), укр. *поточний рік*, серб. *текућа година*, хорв. *tekuća godina*, англ. *the current year*, фр. *l'année en cours*, *année courante*, венг. *a folyó év*.

Никак особо из этого не выделяется нем. *das laufende Jahr*, польск. *rok bieżący*, укр. диал. *біжучий рік*. В исходном образе вода может *течь* равно как и *бежать*: рус. *течение* / *бег реки* (разумеется, здесь есть очевидные нюансы!), и это мало чем отличается от англ. *run*, нем. *Laufen*, фр. *course* ‘бег’ и *cours; courant* ‘течение’, польск. *bieg* и др. — все факты исходят из понимания *бег = течение*.

Встает вопрос об истоках такой схожести. Она может быть следствием независимых внутриязыковых семантических процессов («Все течет, все изменяется», — говорится еще, как принято считать, у Гераклита). Но в то же время есть определенные предпосылки догадываться, что для славянских языков здесь могло иметь место влияние французского и немецкого языков, что дало толчок калькированному развитию внутренних языковых ресурсов. Возможно, здесь проявили себя финансово-бухгалтерские и банковские термины типа *текущий баланс*, *текущий счет* (ср. нем. *laufendes Konto*, *laufende Rechnung*, фр. *compte courant*, англ. *current account*, укр. *поточний рахунок*, польск. *rachunek bieżący*, серб. *текући рачун*, венг. *folyószámla* и др.). Соответствующие понятия имеют привязку к календарю и финансовой отчетности.

Так или иначе, рассмотренная ситуация служит примером двух кросс-культурных семантических полей, объединивших то, что давно сформулировано как «Время — деньги».